

Су Шэнь рассмеялся:

— Ну, я не могу же сказать, что ты суёшь нос не в своё дело, хотя, если смотреть на факты, так оно и есть.

Сун Хайлинь посмотрел на него.

Не стал подхватывать его шутку.

— Прости за вчерашнее, — сказал он.

— А, — неуверенно отозвался Су Шэнь и лишь спустя некоторое время добавил:

— Тебе не холодно?

Только он это сказал, как чихнул.

Не дожидаясь ответа Сун Хайлиня, он помахал ему рукой:

— Всё, я больше не могу, пойду в дом. Ты заходишь?

Хотя он так сказал, но не стал ждать Сун Хайлиня, а сам направился во двор.

Пока он уже почти зашёл в дом, Сун Хайлинь стиснул зубы и последовал за ним.

Что за дела, подумал он.

Ему хотелось повернуть лицо Су Шэня к себе и твёрдо сказать: «Я тебя поцеловал, и что ты сделаешь?»

Но когда он увидел Су Шэня, все слова застряли в горле.

Су Шэнь, войдя в дом, направился прямо к печке, но споткнулся о циновку, лежащую на полу у входа.

У них в доме не было родственников, которые приходили бы кланяться, но его бабушка каждый год стелила эту циновку и садилась на красное деревянное кресло, перед которым лежали арахис и семечки.

Каждый год только он один становился на колени на этой циновке.

Каждый раз он был рад, что ему не сложно встать на колени, ведь если бы он был парализован, у бабушки не было бы никакой надежды.

Он знал, что бабушка ждёт, чтобы кто-то поклонился.

К сожалению, в этом году, наконец, кто-то пришёл, но никто не встал на колени, а только устроил шум.

Споткнувшись, Су Шэнь с досадой сказал бабушке:

— Бабушка, зимой на полу лежит холодная циновка, и я уже весь замёрз.

— Холодная циновка... — пробормотала бабушка. — А в доме печка такая горячая.

— Ладно, — Су Шэнь перешагнул через выступ циновки и подошёл к печке, положив руки на неё, чтобы согреться. — Ну, пусть хоть я один замёрзну.

Только он это сказал, как Сун Хайлинь, потёр руки и вошёл в дом.

Он тоже вышел в спешке и с самого начала был только в свитере.

Войдя, он увидел циновку на полу и сразу же поклонился бабушке Су:

— Бабушка, с Новым годом.

Бабушка Су улыбнулась, прищурив глаза:

— С Новым годом, с Новым годом.

Она протянула ему горсть семечек. Сун Хайлинь взял их в руки, а бабушка Су серьёзно сказала Су Шэню:

— Не только ты один замёрзнешь.

Су Шэнь не знал, как на это реагировать.

— Это чей же? — спросила бабушка Су, глядя на Сун Хайлиня.

Бабушка опять запуталась:

— Бабушка, я...

Не дожидаясь, пока Сун Хайлинь закончит, бабушка Су вдруг вспомнила:

— А, ты из семьи Хай, да?

Сун Хайлинь почувствовал, как у него ёкнуло сердце. Бабушка в тот день сказала то же самое его отцу, и он никак не мог понять, действительно ли она запуталась или притворяется.

— Бабушка, я Черныш, — с поддельным спокойствием сказал Сун Хайлинь, ведь бабушка точно не знала, что он подслушивал снаружи. — Одноклассник братца Теданя.

— Тедань? — спросила бабушка. — Кто это?

— Бабушка, это я, твой внук, — вмешался Су Шэнь.

Сказав это, он помахал Сун Хайлиню:

— Иди сюда погрейся, дай бабушке немного времени, она сама разберётся.

Сун Хайлинь подошёл к печке.

Су Шэнь бросил ему маленький табурет.

Сев, они оба сосредоточились на том, чтобы греться, не говоря ни слова.

Немного неловко.

— А, Тедань, мой внук, — вдруг сказала бабушка, чем сильно напугала обоих.

— Я же говорил, что она скоро вспомнит, — тихо усмехнулся Су Шэнь.

Сун Хайлинь, услышав его слова, машинально повернулся и посмотрел на него. Этот взгляд сразу же напомнил ему вчерашние звёздочки в глазах Су Шэня под фейерверками, и он растерялся.

— Прости, — вырвалось у него.

— Правда просишь прощения? — спустя некоторое время сказал Су Шэнь. — Если правда, то давай я тебе отплачу.

Сказав это, он с улыбкой посмотрел на Сун Хайлиня.

Сун Хайлинь немного подумал, прежде чем понял, что он имел в виду, и снова оказался в тупике.

— Раз ты извинился, то я предположу, что это был просто несчастный случай, да? — спросил Су Шэнь.

Сун Хайлинь, не успев сообразить, кивнул, следуя его логике.

— Раз это был несчастный случай, значит, у тебя не было никаких намерений, да? — продолжил Су Шэнь.

Сун Хайлинь почувствовал, что что-то не так, но сейчас его голова была в полном хаосе, а логика Су Шэня была слишком настойчивой, поэтому он снова кивнул:

— Ага.

— Тогда всё в порядке, — продолжил «промывать мозги» Су Шэнь. — Я принимаю твои извинения, всё в порядке.

— А... — Сун Хайлинь чувствовал, что что-то не так, но не мог понять, что именно, и, следуя его логике, через некоторое время всё стало казаться правильным.

— Черныш! — вдруг громко сказала бабушка Су. — Я вспомнила, это Черныш.

Сун Хайлинь вздрогнул.

— А... — снова тупо отозвался он.

Су Шэнь толкнул Сун Хайлиня плечом:

— Будешь чай? Имбирный, чтобы не простудиться.

— А... — Сун Хайлинь снова невнятно пробормотал.

— Ты заело?

— А... — Сун Хайлинь тут же опомнился. — Нет, нет, нет...

— Правда заело?

— Не заело! Разве ты не слышал, как я перешёл от «а» к «нет»? Разве это можно назвать

заеданием?

— «А» заело на время, «нет» заело на время, заедание не может быть только в одном месте.

Су Шэнь взял большой термос, открыл крышку, и оттуда вырвался сильный запах имбиря. Он налил полную чашку и протянул Сун Хайлиню.

Сун Хайлинь, почувствовав запах, сразу же зажал нос и, увидев, что Су Шэнь протягивает ему чашку, оттолкнулся ногой от ножки стола и отодвинулся на несколько метров, размахивая руками:

— Не буду, не буду, не буду.

— Ладно, опять заело, — Су Шэнь опустил голову и сделал глоток.

— Я, я не заело, — с запинкой, но уверенно сказал Сун Хайлинь, а затем ещё увереннее добавил:

— Я голоден.

— Ты не ел? — спросил Су Шэнь.

— Ел, но пока я был твоим охранником, проголодался, — Сун Хайлинь, увидев, что он выпил большую часть чашки, снова подтянул ноги и вернулся к печке.

— Я тебя не звал, так что еду не обещаю.

Хотя Су Шэнь так сказал, но всё же поставил термос и заглянул в соседнюю комнату, затем обернулся и сказал:

— Осталось немного пельменей, с утра, хочешь?

— Ты же сказал, что еду не обещаешь?

— Если ещё раз пошутишь, то точно не дам.

— Ладно, ладно, не буду, — поспешно сказал Сун Хайлинь. — С чем они? Я не ем капусту и баклажаны.

— Какой привереда, — Су Шэнь скривился. — Как раз фенхелевые, будешь?

— Ты, наверное, не поверишь... — начал Сун Хайлинь.

— Если скажешь, что не ешь фенхель, я сейчас же вылью тебе имбирный чай в лицо, — Су Шэнь повернулся на сорок пять градусов и погрозил ему кулаком.

— Буду, буду, — Сун Хайлинь снова немного заело, а затем медленно сказал:

— Ты, наверное, не поверишь, но я люблю фенхель.

Су Шэнь, удовлетворённый, направился в соседнюю комнату и вынес тарелку с пельменями.

Сун Хайлинь поспешил взять её, уже почти касаясь края тарелки, как Су Шэнь шлёпнул его по руке:

— Что, как голодный дух? Они холодные, я их подогрею.

Сун Хайлинь обиженно убрал руку:

— Ты умеешь подогревать пельмени?

— Смотри, я ещё и жарить умею, сейчас покажу, как жарю пельмени, — Су Шэнь, казалось, вот-вот взлетит до небес.

Сун Хайлинь хотел сказать, что гордиться жаркой пельменей — это слишком, но бабушка Су опередила его:

— Тедань хоть и не умеет контролировать, сколько специй класть, но всегда доводит еду до готовности.

— Бабушка! Новый год на дворе, можешь хоть немного подыграть! — Су Шэнь, ставя сковороду, кричал.

— Новый год, — Сун Хайлинь тоже засмеялся.

Масло на сковороде зашипело. Су Шэнь, увидев, что пора, щипцами положил один пельмень, подождал, пока одна сторона подрумянится, затем перевернул, но увидел, что другая сторона ещё не готова, и снова перевернул, несколько раз так повторив, прежде чем вытащить пельмень.